

Русский символизм и европейский постмодернизм о кризисе культуры

Н. А. ЦАРЕВА

(ТИХООКЕАНСКИЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ИНСТИТУТ ИМ. С. О. МАКАРОВА)*

Теоретики русского символизма и европейского постмодернизма связывают состояние кризиса культуры с потерей духовного основания. Современную им культуру философы начала и конца XX в. оценивают как переходный этап к становлению новой культурной парадигмы. В духовности мыслители видят основания формирования новой культуры.

Ключевые слова: русский символизм, постмодернизм, кризис культуры, компаративистская философия.

Russian Symbolism and European Post-Modernism on Culture Crisis

N. A. TSAREVA

(THE MAKAROV PACIFIC NAVAL INSTITUTE)

The Russian symbolism and European post-modernism theorists attribute the culture crisis to the loss of spirituality. The philosophers of the early and late 20th century see the contemporary culture as a transition period before appearing of a new culture paradigm. The thinkers consider that spirituality is the basis for the new culture generation.

Keywords: Russian symbolism, post-modernism, culture crisis, comparative philosophy.

Русский символизм как явление культуры модерна конца XIX — начала XX в. и европейский постмодернизм второй половины XX в. объединяет не только термин «модерн», означающий современность. Хотя и это важно, поскольку уже предполагается определенное отношение к действительности, а именно стремление к обновлению, созданию иной модели мира. Модернистские пророчества культурной катастрофы созвучны ощущению гибели европейской культуры в постмодернизме. Подобное сходство мироощущения имеет основания.

Современная духовная культура испытывает состояние, аналогичное началу XX в. Отказ от духовного начала, метафизического идеала, ограниченность только человеческим, прагматическим знанием приводят к утрате основополагающих понятий, изменению ценностных ориентиров. Основной вопрос для всего XX в. — взаимоотношение искусства и техники, культуры и цивилизации.

Культура в отличие от цивилизации, направленной на совершенствование материальной сферы, нацелена на удовлетворение духовных потребностей человека. Современную культуру характеризуют духовная опустошенность, отказ от традиционных философских, этических, религиозных ценностей, которые замещаются прагматически-утилитарными.

В конце XIX — начале XX в. русские символисты сумели чутко уловить процессы угасания традиционной духовности и осознать глобальность надвигающегося перелома в культуре. «Общий сдвиг внешних (политических, общественных, хозяйственных) отношений отвечает еще более глубокому, быть может, и ранее появившемуся сдвигу отношений внутреннего порядка. В существе и основе этого душевного сдвига лежит, думается, некая загадочная перемена в самом образе мира, в нас глядящегося; эту проблематическую перемену я отважусь назвать кризисом явления» — так ха-

* Царева Надежда Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Тихоокеанского военно-морского института им. С. О. Макарова. Тел.: +7 (4232) 74-92-97. Эл. адрес: nadezda58@rambler.ru

рактизует свою эпоху Вяч. Иванов (Иванов, 1994а: 103).

В период Первой мировой войны А. Белый пишет свои четыре «кризиса» («Кризис жизни», «Кризис мысли», «Кризис культуры» и несколько позже — «Кризис сознания»). Мрачные предчувствия приближающейся катастрофы выражаются Белым в образе «перевала», на котором в настоящую минуту находится человеческий дух. У Вяч. Иванова это образ «крючи», поставленной «ребром» жизни.

В начале XX в. разочарование в могуществе человеческого разума, утрата веры в точное знание, науку — «кризис сознания» приводит к созданию символистского учения, нацеленного на сохранение духовного, творческого начала.

Во второй половине XX в., в эпоху технологической цивилизации, как реакция на утрату значимых фундаментальных принципов человеческого бытия, гуманистических вневременных ценностей культуры формируются философия постмодернизма.

Но если на рубеже XIX–XX вв. русские философы предчувствовали, то сегодня, в начале XXI в., они могли бы наблюдать, как в результате усиления позитивизма и материализма в обществе доминируют бездуховные цивилизационные процессы. Для современной культуры характерны те же симптомы, которые сто лет назад О. Шпенглер определял как «истощение жизненной энергии», «увядание», переход из стадии «живой» культуры в стадию «омертвелой цивилизации».

Настоящий период оценивается Ж. Бодрийяром как общий кризис, охватывающий все сферы духовной и практической деятельности человека. Философ характеризует современную жизнь как «состояние после оргии» (Бодрийяр, 2000: 7). Взлет материального и рационального во всех сферах жизни, сопровождавшийся политическим, экономическим, культурным и сексуальным освобождением, по мнению Бодрийяра, прошел свой высший пик. Теперь, когда все цели освобождения достигнуты, в каком направле-

нии двигаться человечеству? Когда нет центра, который определяет систему ценностей и вектор дальнейшего развития, наступает фрактальная стадия, характеризующаяся отсутствием самого закона ценности.

В такой ситуации реальность вытесняется гиперреальностью — пространством бесконечной циркуляции знаков. Искусство превращается в искусственность, культура подменяется идеей культуры, ее симуляком, не отражающим, а искажающим реальность. Ж. Бодрийяр предостерегает человечество от превращения реальной жизни в пустые формы. Виртуальная гиперреальность приводит к смерти культуры.

Кризис культуры Ж. Делез связывает с контролем политическим большинством не только всех социальных институтов (семьи, школы, больницы, тюрем, заводов и т. д.), но и речи, воображения индивида. Устанавливается власть языка: коды и символы определяют место человека в «социальной машине», они фиксируют «территорию человека», выделяют людей из рода, привязывают их к определенному пространству. Современное общество Ж. Делез называет «дисциплинарным», поскольку деятельность всех его индивидуумов организована по различным моделям, но механизмы контроля основаны на вариациях единой структуры.

Искусство и культура, втянутые в процесс коммерциализации, идеологизации, становятся пространством кодирования. Субкультура, создаваемая средствами массовой информации, заполняет все культурное пространство. Сооружается целая система антитворчества, что, по убеждению Делеза, страшнее цензуры, допускающей скрытое творчество, потому что репрессивные меры всегда побуждают к самовыражению, протесту. Сегодня искусство испытывает настоящий кризис, оно не предлагает ничего нового, что вызвало бы взрыв интереса, мысли. Имитация, стилизация лишают литературу всякой новизны, поиска, уничтожают творческое устремление. Литература становится игрой, развращая, усредняя, подчиняя себе

личность. Книжная культура заменяется аудиовизуальной. Кинематограф превращается в средство информации, «машину мысли», предлагающую готовые для потребления образы-стереотипы. Такое искусство как будто подчинено одной цели — не дать возможности человеку выразить себя. Культурные ценности превращаются в слова, симулирующие духовную жизнь. «Радио, телевидение развращают семью, распространяясь повсюду, и мы все пропитаны бесполезными словами, безумным количеством слов и образов» (Делез, 2004: 171). Культура, полагает Делез, превращается в контролируемый властью функциональный феномен.

Кризис духовной сферы, считает Ж. Деррида, особенно ощутим в изменениях художественно-эстетического сознания, искусства и гуманитарных наук. Восприятие мира как грядущего апокалипсиса отражается прежде всего в этих областях. Искусство находится во власти тотального структуралистского сознания, «рефлексии завершенного, конституированного, сконструированного. Историческим сумеречным сознанием или осознанием конца света» (Деррида, 2000: 13). Деррида характеризует современную ситуацию как эпоху «исторического смещения», утраты базовых смысловых ценностей. Не случайно постмодернизм называют эпохой «усталой» культуры, отмеченной эсхатологическими настроениями. Это глубокая эмоциональная реакция человека на окружающий мир.

Таким образом, можно говорить о существенном единстве концепций кризиса культуры в символизме и постмодернизме. Философски осмысливая торжество цивилизации над культурой, мыслители воспринимают дисгармонию мира как хаос, наступивший в результате забвения духовности.

Периоды социально-политических катаклизмов начала XX и XXI вв. близки потрясенным состоянием духа, разочарованием в традиционных ценностях, поиском ответов на основные вопросы бытия. Но конец обязательно предполагает начало, угасание —

рождение и т. д. Русский символизм и постмодернизм объединяет не только неприятие действительности, общее ощущение «исчерпанности и завершенности» исторического периода, но и оптимистическое видение перспективы развития и преображения мира.

Философы начала и конца XX столетия оценивают современную им культуру как переходный этап к становлению новой культурной парадигмы.

Концепция чередования стабильных и переходных культурных эпох разделяется как теоретиками символизма, так и постмодернизма. Согласно этой концепции в переходную эпоху культурное состояние общества еще не приобретает целостности нового типа, элементы новой картины мира только формируются. Тем не менее в эти периоды создаются идеи, обеспечивающие устойчивость будущего типа культуры.

В отличие от философов, негативно оценивающих постмодернизм, Ж.-Ф. Лиотар видит много позитивных моментов в «постсовременности». Для доказательства своей оценки постсовременности Лиотар рассматривает историю как смену реалистических и возвышенных эпох. Время торжества реализма характеризуется призывом к порядку, желанием единства, идентичности, безопасности. В настоящий период реальность дестабилизирована. «Фантазмы реализма» создаются коммуникационным кодом, который с помощью образов, производимых механической и промышленной культурой СМИ, охватывает и подчиняет всех людей.

Реалистическую и возвышенную эпохи Ж.-Ф. Лиотара можно сопоставить с двумя состояниями культурного бытия Вяч. Иванова — органического и критического.

Критическая культура Иванова аналогична реалистической Лиотара, она характеризуется ясными дифференцированными формами, когда «группа и личность, верование и творчество обособляются и утверждаются в своей отдельности от общественного целого» (Иванов, Гершензон, 1994: 117). Аполлоническое видение, специфичное для критической культуры, предполагает сосредото-

точение явления в своих границах, упорядоченность и соразмерность. В современной ему культуре Иванов видит господство индивидуалистических форм сознания. Процесс утраты человеком чувства сопричастности к народу, культуре философ воспринимает как признак вырождения. Индивидуализм ведет к уничтожению памяти, что означает кризис культуры. Целью культуры становится удовлетворение физиологически-вкусовых ощущений, прихотей человека, которые носят рассудочный характер. Искусство подменяется утилитарным производством, общепонятным и потому принимаемым массами. Быстро преходящие чувственные переживания, экономические ценности приводят личность к потере большого и простого «стиля целостной жизни». Наступает «нигилистический по мировосприятию, эклектический по вкусам и болезненный по психологии» период истории (Иванов, 1994b: 185).

Лиотар определяет состояние современной культуры как нулевую степень реалистической эпохи, указывая на переходный характер периода. «Эклектизм есть нулевая ступень всеобщей культуры наших дней: мы слушаем reggae, смотрим western, обедаем в Макдональдсе, а вечером пользуемся местной кухней; в Токио душатся по-парижски, в Гонконге одеваются в стиле ретро; знание есть то, о чем задаются вопросы в телевизионных играх. Эклектическим творениям легко найти себе публику. Обращаясь в китч, искусство подлаживается под тот беспорядок, который царит во “вкусе” любителя» (Лиотар, 1993: 96). Вместо эстетических критериев произведений их ценность определяется по доставляемой ими прибыли. Реалистической эпохе, делает вывод Лиотар, присущ «недостаток реальности», т. е. господство виртуальной реальности.

Иванов также ощущает современное ему время как переход от критической эпохи: «Есть непреложные признаки, указывающие на то, что индивидуалистическое разделение людей — только переходное состояние общества, что будущее стоит под знаком уни-

версального коллективизма» (Иванов, Гершензон, 1994: 125).

Оптимистична и оценка развития культуры Лиотаром. Возвышенная или авангардная эпоха наступит после разрушения основ веры, с «открытием присущего реальности недостатка реальности, открытием, связанным с изобретением других реальностей» (Лиотар, 1993: 96).

Особую значимость в процессе перехода к возвышенной эпохе культуры имеет, по мысли Лиотара, искусство, которое опирается на эстетику возвышенного. Чувство возвышенного появляется, когда в воображении не удастся представить предметно оформленные идеи, понятия. Лиотар называет эти идеи «непредставимыми». Задача художника — показать, что имеется нечто такое, что можно помыслить, но нельзя увидеть. Искусство должно зримыми представлениями намекнуть на непредставимое. С точки зрения Лиотара, постмодернистский философ или писатель «работают без каких бы то ни было правил, работают для того, чтобы установить правила того, что будет создано: *еще* только будет — но уже созданным. Отсюда вытекает, что творение и текст обладают свойствами события...» (там же: 94).

Постмодернизм понимается Лиотаром как продолжающийся модернизм, т. е. как переходное состояние в умонастроениях, культуре, социуме. Поэтому задача постмодернизма — представить не реальность, а нечто, существующее пока в мыслях, т. е. изобрести знаки иного. Ради этого «нечто» постмодернизм отказывается от традиций, норм, привычных форм, консенсуса вкуса и т. д.

Ощущение завершенности критической эпохи дифференцированной культуры в работах Иванова лишено пессимизма. Он полагает, что кризис индивидуализма, т. е. изменение сознания, разрушение его единства, связан с изменением системы ценностей. Но «разрыхленное поле» сознания человека означает его готовность к новому мировосприятию и созданию иных форм творчества.

Критической культуре Иванов противопоставляет культуру органических эпох, когда на основе единства представлений о божественном и человеческом осуществляется единство форм жизни и единство стиля в искусстве. Иванов говорит о неизбежности наступления органической эпохи с господством соборности, в которой живет память общего, надындивидуального начала. Особую роль в формировании органической эпохи он отводит символизму. Конечно, утопичность соборной концепции Иванова очевидна. Но в его концепции культуры важно следующее — в преобразовании действительности ведущая роль принадлежит искусству.

В переживаемый переходный период культуры на поверхности лежат негативные ее проявления: отвергаются ценности предыдущих эпох и отрицается ценность творчества. Но культуру нельзя представлять как одномерную плоскость: в глубине культуры, по-разному проявляясь, идут поиски смысла будущей культуры. В символистском и постмодернистском понимании культуры рождение нового происходит в результате соприкосновения культур, когда в осмыслении судьбы и сущности каждой из них обнаруживаются совершенно иные, скрытые смыслы и открываются зримые горизонты развития.

В своей философии культуры А. Белый осмысливает ее как единый непрерывный процесс развития человечества. Культура понимается им как целое, состоящее из различных сфер знания и творчества (философия, физика, музыка и т. д.). Он не соглашается с идеей Шпенглера о смерти культуры в результате наступления цивилизации. Современное ему состояние культуры Белый оценивает не как смерть, а как кризис, т. е. естественный процесс, отделяющий один период культуры от другого внутри все той же культуры. Культура, убежден Белый, неуничтожима, потому что она не трансцендентна, а имманентна нам. Культура коренится в самосознании человека, включающем и всеобщее, и частное. Белый сравнива-

ет сознание индивида с нитью, протянутой сквозь сумму личностей всех эпох, с нитью, соединяющей бусины в «ожерелье культуры». Если культура — в сознании, а кризис означает расширение сферы сознания вследствие новых знаний, значит, происходит становление более широкой культуры. Таким образом, наступление кризиса культуры Белый рассматривает как ее переход к новой форме существования. Вся история культуры представляется философу как «история приготовления революции всех областей жизни, история осознания изношенности прежде целостной жизни душевной; история заболеваний смертельных души, ее гибели; вместе с тем это — история новых открытых надежд, новых опытов знания о том, что из гибели может возникнуть спасение» (Белый, 1999: 189).

Н. Бердяев в своей философской оценке символизма определяет его как состояние кризиса культуры, как переходную культуру, стремящуюся не просто к созданию новых ценностей культуры, но нового бытия. Те же задачи в своеобразной форме стоят сегодня перед постмодернизмом, который У. Эко также понимает как срединную переходную культуру, переживаемую каждой эпохой.

Теоретик постмодернизма П. Козловски объясняет появление постмодернизма по аналогии с законами термодинамики, согласно которым теплота всегда переходит от более теплого к более холодному. Индустриальная эпоха модерна характеризуется подъемом, который закономерно в постиндустриальную эпоху должен смениться стагнацией и упадком. Поэтому постмодернизм представляет собой социокультурное явление и фазу цивилизационного развития, промежуточный тип культуры, не меняющийся, но расшатывающий существующую систему ценностей технократического общества.

П. Козловски пишет: «...понятие постмодерна содержит в себе момент освобождения... помогает освободиться от стальных оков философии истории с ее трехступенча-

тым членением Античность — Средневековье — Новое время. Постмодерн принимает на себя роль тормоза, отодвигающего наступление того, что собственно должно наступить после крушения утопических историко-философских ожиданий современности: гибели» (Козловски, 1997: 122). Постмодернизм рассматривается философом как закономерное явление духовной культуры кризисного общества, ищущего новые пути развития.

Таким образом, теоретики символизма и постмодернизма воспринимают свою эпоху как исторический перелом, означающий кризис одной культурной парадигмы и ожидание новой культуры, основания которой формируются уже сегодня. Философов начала и конца XX столетия объединяет активизация эстетической рефлексии, надежда на создание новой культуры, наполненной духовным содержанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белый, А. (1999) История становления души // Белый А. Душа самосознающая. М. : Канон+. С. 157–315.
- Бодрийяр, Ж. (2000) Прозрачность зла. М. : Добросвет.
- Делез, Ж. (2004) Переговоры. М. : Наука.
- Деррида, Ж. (2000) Письмо и различие. М. : Академический проект.
- Иванов, Вяч. (1994а) О кризисе гуманизма // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М. : Республика. С. 101–110.
- Иванов, Вяч. (1994б) Заветы символизма // Там же. С. 180–190.
- Иванов, Вяч., Гершензон, М. (1994) Переписка из двух углов // Там же. С. 113–138.
- Козловски, П. (1997) Культура постмодерна. М. : Республика.
- Лиотар, Ж.-Ф. (1993) Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ad Marginem. Ежегодник. С. 89–101.

Научная жизнь

В ноябре 2010 г. в Интернете начал свою работу новый научно-информационный портал «Естественно-научные исследования творческого процесса» (<http://characterology.ru/>). Проект реализуется Институтом фундаментальных и прикладных исследований МосГУ при финансовой поддержке РГНФ (грант №10-06-12131в). В центре внимания разработчиков — проблема взаимосвязи человеческих характеров и творчества. Основные разделы сайта посвящены классической естественно-научной характерологии, проблемам мировоззрения в контексте психологии и психотерапии, характерологической креатологии, исследованиям гениального творчества (психотерапевтическая патография).

16 декабря 2010 г. в Институте философии РАН прошло заседание круглого стола «Проблема социальной справедливости: российский взгляд», организованного интернет-журналом «Политвектор» (<http://www.politvektor.ru/>) и дирекцией ИФ РАН. В работе круглого стола с докладом «О состоянии теории справедливости на Западе и в России» выступил старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ Г. Ю. Канарш.